

КИСЛОТНЫЕ ДОЖДИ НА НАШУ ГОЛОВУ

Владимир ГРАЧЕВ,
председатель комитета
Государственной думы РФ по
экологии, доктор технических
наук, профессор,
член-корреспондент РАН

Дефицит мощностей, проблемы в сетевом хозяйстве, растущая изношенность оборудования, наконец, нехватка топлива для производства электроэнергии – все это создает ситуацию, при которой, как говорят в РАО «ЕЭС России», электричества предстоящей зимой может хватить далеко не всем потребителям. В том числе и потребителям в российской столице.

Что называется, суцая правда. С проблемами в энергообеспечении не поспоришь. Они актуальны и в масштабах страны: уже в нынешнем году их не миновать как минимум в 16 регионах. Актуальны они и в «благополучной» Москве. Вопрос лишь в том, как и за счет чего эти проблемы решать?

Эксперты РАО «ЕЭС России» и ОАО «Мосэнерго» считают, что выходом из создавшегося положения может стать, в частности, поиск дополнительных резервов для поддержания энерго мощностей в рабочем состоянии, которыми страна располагает уже сейчас. Для московской энергосети одним из этих резервов, по мнению экспертов ОАО «Мосэнерго», может быть перевод электростанций с газа на такие виды топлива, как мазут и уголь. Газ дороже, средств на его закупку не хватает, поэтому, мол, надо использовать более дешевые виды топлива.

Мосэнерго уже заявило о том, что намерено сжечь предстоящей зимой девять миллио-

нов тонн мазута – вместо традиционных трех миллионов тонн. Кроме того, оно планирует использовать для выработки электричества еще и 30 миллионов тонн угля, что также больше обычного на 10 миллионов тонн.

От таких планов в пору за голову хвататься! Ведь использование экологически опасных мазута и угля вместо более или менее безопасного газа грозит обернуться не чем иным, как настоящей экологической катастрофой.

Это не преувеличение. Известно, что даже незначительное количество сернистых газов приводит к выпадению осадков, в которых содержится серная кислота. Но объемы в 9 миллионов тонн мазута и 30 миллионов тонн угля содержат такое количество сернистых газов, которое незначительным никак не назовешь. В случае реализации упомянутого плана – решения проблемы энергокризиса увеличением объемов сжигаемых мазута и угля – в столице возникнет реальная угроза выпадения кислотных дождей.

Конечно, кислотные дожди, которые грозят пролиться на наши головы, не приведут к каким-либо отравлениям людей. Проблема лишь в том, что растительность пострадает очень сильно. Деревья, кустарники и прочая растительность, цветы на улицах, на разведение которых город тратит миллионы рублей и благодаря которым столица хорошеет, – все это определенно будет под угрозой. Не меньше, убежден, пострадает и подмосковная растительность, выращиваемая трудолюбивыми руками дачников-москвичей. Скажем, огурцы в Подмоскovie в открытом грунте расти перестанут окончательно, это я гарантирую.

Ясно, Москву нельзя переводить с газа на другой вид топлива. Это преступно по отношению к экологии.

Проблемы энергетиков, конечно, понятны. Понятно и их стремление сконцентрироваться на поиске существующих резервов, не требующих огромных затрат. Но разве это довод в пользу того, что бьет по окружающей

природной среде? Но ведь именно это РАО «ЕЭС России» и ОАО «Мосэнерго» и планируют нынешней зимой.

По большому счету, одна из главных причин надвигающегося энергокризиса – существующий дисбаланс российской энергетики. Слишком много мощностей работает на газе, мазуте, угле. Давно уже говорится о том, что необходимо реструктурировать и топливную «корзину», и саму структуру отечественной энергетики.

Базовую генерацию нужно закрывать за счет АЭС и гидроэлектростанций с подъемом доли той же атомной энергетики с нынешних 16 процентов хотя бы до 30 процентов. Ни для кого не секрет, что сегодня российские АЭС серьезно недогружены. Есть станции, где эта ситуация приобрела хронический характер. И все это под разговоры о нехватке электроэнергии. Что еще более может считаться примером расточительного неиспользования существующего потенциала?

Давно бы пора задуматься о том, чтобы все АЭС были оптимально загружены круглогодич-

но. Так же, как гидроэлектростанции.

Регулируемую же генерацию необходимо обеспечить тепловыми электростанциями. При этом серьезно модернизировать действующие мощности. Это тоже тема долгих разговоров. В ответ РАО «ЕЭС России» и ОАО «Мосэнерго» твердят и твердят об одном – о нехватке средств.

Будто невдомек, что они сами теряют столь необходимые им средства. К примеру, солидные инвестиции – из-за задержек с принятием нормативной базы по Киотскому протоколу. Потенциал снижения выбросов парниковых газов довольно значителен. Но у нас это потерянные деньги. Точнее, недополученные инвестиции.

Давно уже говорят и о том, что необходима модернизация действующих газовых паросиловых энергоблоков, их перевод на перспективный парогазовый цикл. Это позволит сжигать на треть меньше топлива – при том же уровне выработки электроэнергии. Увы, воз реконструкции действующих ТЭЦ, их модернизацию у РАО «ЕЭС России» и ОАО «Мосэнерго», как говорится, и ныне там.

В нефтедобывающей России цены на готовое топливо (бензин) вроде бы должны быть низкими. Или по крайней мере не выше, чем в странах, которые у нас сырье закупает.

Казалось бы, это аксиома. Но наша экономика живет по странному закону. Бензин у нас дороже, чем, например, в Северной Америке, сырье импортирующей. Цифры говорят сами за себя. По данным Российского топливного союза (РТС), себестоимость добычи нефти у нас не выше 10 долларов за баррель (158,98 литра). А та же Америка покупает ее на биржах по 50-60 долларов за баррель. Но, несмотря на это, стоимость бензина в США колеблется в пределах 3 долларов за галлон (4,55 литра) – то есть около 18 рублей за литр. В России литр бензина поднялся уже до 21 рубля. Как же получается, что американский бензин, который по качеству не чета нашему, стоит дешевле – при том, что изначальная цена сырья для Соединенных Штатов в 5-6 раз выше?

Причин, конечно, множество. Но среди прочих можно выделить основные. Таковых, по мнению специалистов, три.

Первая заключается в том, что акцизы (а нефть – подакцизный товар) и налог на добычу полезных ископаемых привязаны к мировым ценам на нефть. Дорожает нефть на Лондонской бирже – дорожает и внутри страны. Вроде все

КОМУ ВЫГОДЕН ДОРОГОЙ БЕНЗИН

Григорий СЕРГИЕНКО,
исполнительный директор Российского
топливного союза

правильно: это позволяет государству изымать у нефтяников сверхприбыль. Точнее, некую ее часть. Но налоги в России составляют 56 процентов от стоимости бензина – тогда как в США, по данным РТС, не более тридцати. Привязка внутренних цен на нефть к мировым и повышает в конечном итоге стоимость бензина.

Вторая причина в том, что российские нефтяные ВИКИ (вертикально интегрированные компании) просто не умеют и не хотят делать хороший бензин. Удивительно, но хороший бензин нашим производителям просто не нужен.

Глубина переработки нефти у нас намного ниже, чем в США. У нас она составляет в самом лучшем случае 70 процентов. В Соединенных Штатах – 90

процентов. Если из тонны нефти мы получаем чуть более 200 килограммов бензина, то в Америке – в два раза больше.

Впрочем, в этом виноваты не одни ВИКИ. Какая вина, если у них нет стимулов получать из нефти больше бензина и вкладывать деньги в модернизацию нефтепереработки? Если в США и Евросоюзе низкокачественные виды топлива облагаются более высокими акцизами, чем высококачественные, то у нас – наоборот: акцизы на низкокачественные бензины ниже в полтора-два раза, чем на более качественные нефтепродукты. Зачем тогда модернизировать производство и стараться извлечь качественный 95-й бензин? 76-й, солярку, мазут можно получать и на старом обо-

родовании, к тому же платить при этом меньше налогов. Поэтому высококачественного и более экологичного бензина в стране мало. Раз мало, он, естественно, дорог.

Еще более абсурдна ситуация с экспортом. Вывоз сырой нефти облагается минимальной пошлиной, тогда как экспорт бензина, то есть более сложной и дорогой продукции, пошлиной повышенной. Таким образом государство поощряет высокие цены.

Третья – и главная – причина высоких внутренних цен на бензин в том, что ВИКИ имеют возможность перекладывать на покупателя все свои издержки и получать прибыль в любой ситуации. Если за рубежом нефть дорожает, повышаются цены на бензин и внутри страны, поскольку внутренние цены становятся неконкурентоспособными. Но в России если мировые цены падают – бензин все равно дорожает: надо же покрыть потери ВИКов от снижения экспортных доходов. Последнее падение мировых цен на нефть примерно на 25 процентов привело к снижению цен на бензин в США на 20 процентов. В России же цены, напротив, подросли. ВИКом выгодно продавать нефть в Рос-

сии, а не гнать за границу. По данным РТС, даже если оптовые внутрироссийские цены на нефть падают, розничные цены на бензин, наоборот, растут.

По расчетам компании «ИнфотЭК», для нефтяников Татарстана экспорт нефти через Приморск приносит такую же прибыль, как и внутренние поставки – по цене 3,9-4 тысячи рублей за тонну. А экспорт сырья из Нижневартовска через Новороссийск дает нефтяникам на 12,22 доллара дохода на баррель меньше, чем внутренние поставки. При экспорте дизтоплива с Московского НПЗ через Таллин – на 143 доллара на одну тонну меньше. В результате снижения прибыльности экспорта стоимость литра 95-го в Москве поднялась уже до 21 рубля.

Остается признать, что высокие цены на бензин государство разрешает и даже поощряет. Во-первых, это укладывается в государственную концепцию изъятия у населения «лишних» денег, которые якобы и раскручивают инфляцию. Во-вторых, с дорогого бензина нефтяники и налоги больше уплачивают в казну. Такой вот, в общем, «шампунь и кондиционер в одном флаконе»: инфляция снижается, доходы бюджета растут. По сравнению с этим снижение жизненного уровня населения, очевидно, можно считать не более чем досадной мелочью.

С ЧЕМ ИДЕМ В ВТО?

Владимир КАШИН,
заместитель председателя
комитета Государственной думы
по природным ресурсам и
природопользованию

В минувшее воскресенье в Ханое на саммите лидеров стран АТЭС (Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество) между Россией и США был подписан протокол о завершении переговоров по присоединению РФ к Всемирной торговой организации. Специалисты считают, что на улаживание остающихся спорных вопросов между Москвой и столицами других стран – членами ВТО может уйти еще полгода, и к следующей осени мы сможем стать полноправным членом «мирового торгового клуба».

Хорошо это или плохо для России? Единства мнений на сей счет в нашей стране не наблюдается. Это и понятно. Ведь вступление РФ в ВТО – это сложный процесс с трудно предсказуемыми последствиями для различных секторов нашей экономики, общества в целом. Комментариев на сей счет, уверен, будет в избытке. Я же

хочу остановиться на одном, редко затрагиваемом аспекте.

Недавно в Госдуме прошли парламентские слушания, посвященные правовому обеспечению интересов Российской Федерации в части природных ресурсов и природопользования в связи с предстоящим вступлением в ВТО и Продовольственной и сельскохозяйственной организацией (ФАО) ООН. Тема эта практически у всех вызывает неподдельный интерес. Ведь острейшей необходимостью активного вмешательства депутатов в существующее законодательство о природных ресурсах налицо. Совершенствовать его надо немедленно, иначе, вступив в ВТО, страна окажется беспомощна и беззащитна перед мощными и агрессивными конкурентами.

Возьмем ситуацию в российском лесном комплексе. Еще 15 лет назад этот комплекс по прибыльности был на втором месте после нефтехимического, а се-

годня лесная отрасль, по существу, разорена. Бюджет будущего года в два раза урезал даже те жалкие крохи, которые выделялись в 2006-м. По существу, ничего не делается для того, чтобы нормально развивалась лесная служба. Чтобы наладилось воспроизводство безжалостно истребляемых лесов. Чтобы хоть как-то стимулировалась экономика лесной отрасли и отрасль эта становилась конкурентоспособной. Чтобы мы не вытаскивали за рубеж 43 миллиона кубов кругляка официально (плюс к тому – 19 миллионов неофициально!), а могли сами воспроизводить то, что дала России природа-матушка. Чтобы вместо того же кругляка на экспорт поставлялись продукты глубокой переработки древесины.

Вся академическая лесная наука, начиная от академиков РАН А. Моисеева, А. Исаева, А. Писаренко и других компетентных профессионалов, дала свои предложения по Лесному кодексу. Мы провели ряд круглых столов, пресс-конференций, парламентских слушаний. Более ста депутатов Госдумы подписали письмо протеста против сути нового Лесного кодекса. И что в итоге? Мнение народа, науки, общественности,

экологов грубо игнорируется. Нагло и цинично протаскивается проект нового Лесного кодекса, сфабрикованного в угоду нуворишам и крупному олигархическому капиталу, в том числе и международному. Не случайно новый Лесной кодекс уже окрестили в народе воровским.

А посмотрите, как стремительно пустеют наш Дальний Восток, северные территории. Только Мурманскую область покинули уже более ста тысяч человек. Заводы по переработке морепродуктов повсеместно дышат на ладан. Новоявленные капиталисты по-пиратски захватили промысловые суда, прикармливают квоты на добычу морепродуктов, везут их за рубеж, и уже оттуда переработанная дорожающая масса приходит в Россию. А нашим людям негде работать, не на что жить.

Из регионов в Госдуму поступает множество достойных законодательных инициатив, которые могли бы в корне переломить ситуацию, сложившуюся сегодня с выловом морепродуктов и их переработкой. Необходимо воплощать эти разумные, давно назревшие законодательные инициативы.

Еще одна проблема, которую хочется затронуть в связи с предстоящим вступлением РФ в ВТО. Сельское хозяйство. Земля – главное богатство страны. Значит, нужен закон «О развитии сельского хозяйства». Вме-

сте с учеными мы подготовили этот полноценный, грамотный законопроект. Те правовые документы, которые действуют в этой сфере – Земельный кодекс, закон «Об обороте сельскохозяйственных земель», другие не менее губительные для крестьян законы, – по существу, оставили агропромышленный комплекс без руля и ветрил. Сегодня вместо поэта наша земля поливается кровью, набирает обороты черной передел. Это уже стало очевидно всем. Но рассмотрение законопроекта «О развитии сельского хозяйства» снова перенесено. Министр экономического развития и торговли Г. Греф и компания выхолощивают все насущные для выживания села предложения.

А ведь в Госдуме из профессионалов сформирована межфракционная депутатская рабочая группа. Все детали этого закона мы отработали с аграрным комитетом. Однако правительством ничего не было сделано, чтобы изменить ситуацию к лучшему.

Вместо этого мы по-прежнему безоглядно рвемся в ВТО. Но с чем рвемся?

Из 57 миллионов голов крупного рогатого скота у нас осталось 25 миллионов. Из 58 миллионов овец – 16 миллионов. Из 38 миллионов свиней – также 16 миллионов. Если взять пашню, 32 миллиона гектаров выведено сегодня из оборота сельхоззе-

мель и фактически зарастает бурьяном.

Давайте возьмем легкую промышленность. Даже меховых шапок в России шьют сегодня только 6 процентов от уровня 1990 года, я уже не говорю о детской обуви, сорочках, других вещах.

Возьмем авиастроение. Стали строить в 13 раз меньше гражданских судов по сравнению с тем же 1990 годом. Сегодняшний уровень производства тракторов и зерноуборочных комбайнов в России составляет соответственно 4 процента и 11 процентов по сравнению с 1990-м.

Так с чем же мы стремимся в ВТО? С какой продукцией? ВТО – это инструмент реализации готовых изделий, высокотехнологичных товаров, товаров глубокой переработки. Идти нам туда, кроме нефти и газа, не с чем.

Не случайно так называемые сырьевики с энтузиазмом проводят линию на присоединение к ВТО. Но даже они должны понимать, что если рухнет село, если рухнут заводы, фабрики, и им несладко придется.

Добиться безусловно высокой конкурентоспособности производимых изделий – это необходимое условие нашего выживания как страны, как исторической общности. Только после решения этой задачи на выгодных для России условиях можно вступать в ВТО.